

Управленческие кадры Чувашской автономии в 1920–1930-е гг.: к историографии вопроса

Management personnel of the Chuvash autonomy in the 1920-1930s: to the historiography of the question

Васильева К.Н.

аспирант ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», г. Чебоксары
e-mail: Vasileva_ksusa_95@mail.ru

Vasilyeva K.N.

Postgraduate Student, Chuvash State University named after I.N. Ulyanov, Cheboksary
e-mail: Vasileva_ksusa_95@mail.ru

Минеева Е.К.

профессор, д-р ист. наук, профессор кафедры Отечественной истории имени А.В. Арсентьевой ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», г. Чебоксары
e-mail: mineevaek21@mail.ru

Mineeva E.K.

Professor, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of National History named after A.V. Arsentieva, Chuvash State University named after I.N. Ulyanov, Cheboksary
e-mail: mineevaek21@mail.ru

Аннотация

Авторы статьи поднимают проблему отражения в историографии истории формирования, состава, способов обеспечения управленческими кадрами органов власти Чувашской автономии в 1920–1930-е годы, а именно государственных и партийных учреждений, институтов управления сельским хозяйством и судебных учреждений. Обеспеченность управленческими кадрами была одной из центральных проблем в эти десятилетия по всей стране, особенно в Чувашской национально-территориальной автономии. Ее решение новая советская власть видела, прежде всего, в коренизации, а также в подготовке местных кадров на специально организованных с этой целью курсах в крупнейших институтах и университетах страны, а позднее и в местных учебных заведениях. Однако продолжался этот процесс лишь до 1930-х годов. В дальнейшем с целью укрепления вертикали власти начали направлять из центра специалистов, а также проводить чистки среди управленческих кадров, отсеивались внепартийные, несогласные с проводимой политикой. Авторы также освещают оценку в историографии этой стороны деятельности власти.

Ключевые слова: Чувашская автономия в 1920–1930-е гг., управленческие кадры, историография, процесс «коренизации», государственные и партийные институты, управление сельским хозяйством и судебные органы в Чувашской автономии.

Abstract

The authors of the article raise the problem of reflecting in historiography the history of the formation, composition, and methods of providing administrative personnel for the Chuvash autonomy authorities in the 1920s-1930s, namely, state and party institutions, agriculture management institutions and judicial institutions. The provision of managerial personnel was one of the central problems in these decades throughout the country, especially in the Chuvash national-territorial autonomy. Its solution was seen by the new Soviet authorities primarily in the indigenization, as well as in the training of local personnel at courses specially organized for this purpose in major institutes and universities of the country, and later in local educational institutions. However, this process continued only until the 1930s. In the future, in order to strengthen the vertical, the authorities began to send specialists from the center, as well as to purge among the managerial personnel, non-partisans who disagree with the policies were eliminated. The authors also highlight the assessment in the historiography of this aspect of government activity.

Keywords: Chuvash autonomy in the 1920s – 1930s; managerial personnel; historiography; the process of "indigenization"; state and party institutions; agricultural management and judicial authorities in the Chuvash autonomy.

Распад Российской империи, революционные события 1917–1920 гг., смена власти и политического строя оказали решающее воздействие на систему управления и ее структурные элементы, привели к ее разрушению. Необходимо было создавать новую систему, новые органы власти, соответствовавшие требованиям времени и политической действительности. Вследствие этого повсеместно образовывались Советы, комиссии, наркоматы, а также СНК и ВЦИК. Последние действовали в качестве центральных органов власти. Были упорядочены взаимоотношения между центральными и местными органами, расширены их права и самостоятельность.

Но осуществление этого процесса сопровождалось проблемами и трудностями, особенно в регионах. В частности, в Чувашской автономии, как и в других национально-территориальных автономиях страны, требовались новые управленческие кадры, либо их переподготовка. Направление же специально обученных лиц, квалифицированных работников из центра было малоэффективным, так как они не знали специфики развития региона, не понимали его традиций и культуры, язык. В связи с этим было принято решение о привлечении к управлению представителей национальностей в регионах, переводе делопроизводства на национальный язык. Этот процесс, длившийся до середины 1930-х годов, получил название «коренизации» местных органов управления [11, с. 34].

Объективное научное осмысление исторических событий поможет всесторонне изучить опыт регионального управления, формирования управленческого состава, что в настоящее время актуально в связи с реализацией многочисленных курсов и программ подготовки управленческих кадров. Исследование региональных управленческих кадров позволяет выявить черты и закономерности в их составе и структуре, отличительные особенности, свойственные конкретному региону. Все это дает возможность применить данный исторический опыт в современных условиях с целью решения определенных проблем в обеспеченности кадрами управленческих структур республики.

Целью нашей работы является обзор историографии по вопросу состояния управленческих кадров, а также решения проблем с их обеспечением в первые десятилетия советской власти в Чувашской автономии.

Новизна нашего исследования заключается в использовании комплексного подхода к изучению состава и истории формирования управленческих кадров Чувашской автономии в первые десятилетия создания ее государственности.

Хронологические рамки нашего исследования – 1920 – 1930-е гг. В 1920 г., после революционных событий, в Чувашии образовалась государственность: сначала автономная область, затем автономная республика. С принятием Конституций 1925 и 1937 г. все более видоизменялся государственный статус региона и состав управленческих кадров, менялись характерные черты и тенденции его формирования. Продолжался этот процесс вплоть до конца 1930-х гг., когда происходили массовые репрессии и чистки в органах власти.

Историографию вопроса управленческих кадров Чувашской автономии в 1920–1930 гг. можно условно разделить на несколько групп:

- 1) труды и публикации, отражающие состав и историю формирования управленческих кадров неотрывно от процесса создания национально-государственного строительства Чувашской государственности;
- 2) литература, освещающая проблемы управленческих кадров в государственных и партийных учреждениях Чувашской автономии;
- 3) работы С.В. Гончаровой, посвященные управленческим кадрам в сфере сельского хозяйства и промышленности;
- 4) статьи, отражающие состояние и развитие в течение указанных десятилетий управленцев в судебных органах.

Большинство современных историков освещает вопрос об управленческих кадрах Чувашской автономии в 1920–1930-е годы в совокупности с историей национально-государственного строительства республики. Так, Е.К. Минеева в монографии «Наркомнац и становление Марийской, Мордовской, Чувашской автономных республик: исторический опыт и уроки» анализирует теорию национально-государственного строительства Советской России в 1917–1930-е годы и её реализацию на практике [10]. Отдельными вопросами рассматриваются создание и деятельность Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР и его национальных отделов в Среднем Поволжье. Акцентируется внимание на особенностях становления Марийской, Мордовской и Чувашской автономных республик, а также выделяются сложности при формировании управленческого кадрового состава органов власти.

Здесь можно отнести другую монографию Минеевой Е.К. «Становление Марийской, Мордовской и Чувашской АССР как национально-территориальных автономий (1920–1930-е гг.)» [11], в которой также раскрывается национально-государственное строительство этих республик и формирование в них системы управленческих кадров.

Сухова О.А. и Филенкова О.А. в статье «Национальный вопрос и районирование в РСФСР в 1920-е – начале 1930-х годов: управленческие стратегии и их реализация (по материалам Поволжья)» рассматривают обусловленность национального строительства практикой административного управления в СССР в 1920-х – 1930-х гг., когда критерием для выбора курса служили укрепление властной вертикали, убежденность во всемогуществе административных методов решения любых проблем [14]. В публикации характеризуется и процесс формирования системы управленческих кадров в Поволжском регионе.

А.В. Изоркин и В.Н. Клементьев также выделяют некоторые черты кадровой политики в процессе складывания государственности в Чувашской Республике в рассматриваемый период. В частности, А.В. Изоркин отмечает кадровый вопрос как одну из важнейших проблем в национально-государственном строительстве и указывает пути ее решения, которых

придерживалась власть. С 1920 г. «кадровый вопрос решался путем включения в работу в Чувашской автономной области сотрудников чувашских организаций Казанской и Симбирской губерний, а также за счет демобилизации из Красной Армии и направления в область коммунистов-чувашей» [5, с. 19]. Вместе с созданием национальных учреждений (Чувашского государственного издательства, областных газет и журналов, Союза чувашских писателей и журналистов и т.д.) начинается подготовка управленческих кадров для республики в коммунистических университетах и институтах Москвы, Казани, Ленинграда и других городов, в местных техникумах. В 1927 г. с созданием районов формировался и их аппарат управления. Вплоть до 1936 г. шла коренизация управленческого аппарата, как уже упоминалось выше, на управляющие должности назначались служащие чувашской национальности, чувашский язык стал вторым государственным языком в республике. Политический курс после 1937 г., в том числе и саму Конституцию, Изоркин оценивает отрицательно, считая, что развитие региона оказалось под влиянием «культы личности» И.В. Сталина и вследствие этого исчезло его своеобразие и уникальность. На управляющие должности назначались лица из центра, совершенно незнакомые со спецификой региона [5, с. 22–23]. Управленческий аппарат подвергся репрессиям, «нанесшим невосполнимый урон: посредством государственного террора из общественно-политической жизни республики была устранена лучшая часть местной кадровой и политической элиты» [8, с. 46]. Все это привело к кризису кадров в Чувашской АССР в конце 1930-х годов.

Историк В.Н. Клементьев в национально-государственном строительстве области, а затем республики в качестве первоочередной задачи выдвигает формирование управленческих кадров, характеризует этот процесс с положительной точки зрения. Ведь в результате коренизации государственного аппарата численность представителей чувашской национальности в нем значительно возросла [7, с. 59].

У Т.В. Немцевой также прослеживается данная закономерность: вопросы формирования и подготовки управленческих кадров Чувашской автономии в 1920 – 1930-е годы рассматриваются среди остальных проблем создания государственности. Как она отмечает, в начале 1920-х гг. кадровое обеспечение органов власти осуществлялось за счет приглашения из других городов опытных работников, способных работать среди чувашского населения, понимавших специфику народа, его «национальную обособленность, замкнутость и индифферентность к социально-политической жизни. К ноябрю 1920 г. в Чувашию прибыло свыше 120 партийных и советских работников..., среди которых были агитаторы Чувашского отдела при Наркомнаце – С.И. Перцев, П.М. Верхунов, Г.И. Ильин, М.И. Левин и др.» [12, с. 148]. Вкратце упоминается количественный, партийный и национальный состав партийных и государственных органов, отделов чувашского облисполкома и областных учреждений: половину руководящих постов занимали члены и кандидаты в члены РКП (б), представители же чувашской национальности среди них составляли меньшую часть. Исходя из этого, в целях формирования управленческих кадров и совершенствования государственного аппарата власть шла «путем его коренизации и подготовки из числа чувашей квалифицированных советских, партийных, хозяйственных кадров и руководителей в сфере образования и культуры» [12, с. 155–156].

Ко второй группе трудов, затрагивающих проблему управленческих кадров в партийных и государственных институтах власти Чувашской автономной области и в дальнейшем республики, относится статья Васильевой О.Н. и Михайловой Е.М., освещающая отражение в местной исторической литературе

вопросов формирования и деятельности органов государственной власти в этом регионе в 1920–1925 гг. [2]. Особое внимание они уделяют освещению в историографии проблем, с которыми пришлось столкнуться новым органам управления автономии: тяжелое финансовое положение, нехватка квалифицированных кадров, «кадровая чехарда», постоянные реорганизации. Объясняются причины слабой изученности истории областных органов государственной власти Чувашской автономной области, заключающиеся в коротком сроке её существования и скором преобразовании в республику, а также достаточно сложной системе органов управления (различных исполкомов, секций, отделов и подотделов, комиссий). Основное внимание исследователей сосредотачивается на органах управления в Чувашской АССР.

К этому вопросу обращается и Дмитриев И.А. В своей статье «Политика коренизации органов исполнительной власти Чувашской автономной области (1920 – 1925)» он анализирует особенности политики коренизации в Чувашской автономной области. Решение проблем кадрового обеспечения руководители области видели, прежде всего, в «стремлении заполнить вакансии максимально грамотными людьми без особой оглядки на их национальность», позднее, с переходом к более осмысленной кадровой политике, проводилось сокращение штатов, на службу принимали уже со знанием чувашского языка и учетом национальной принадлежности [4, с. 95].

В монографии «Ретроспектива процессов модернизации государственного управления в Чувашии (60-е гг. XIX – 30-е гг. XX вв.)» анализируется управленческий кадровый состав уже не только всей республики, но и на уровне волостей и уездов. Приводятся такие их характеристики, как образованность, партийная принадлежность, уровень жизни. В частности, отмечается, что по уровню жизни зажиточных лиц в органах власти местного управления было значительно меньше, чем середняков и бедняков. Образовательный ценз был особенно важен в кадровой политике даже местного уровня, в связи с чем проводились краткосрочные курсы, кадровые работники направлялись на повышение квалификации в другие города и регионы страны [13, с. 298–302].

Что касается партийных органов власти, то в качестве основного органа в Чувашской автономии признавалась Чувашская областная партийная организация, подразделявшаяся на партийные ячейки. В 1925 г., согласно исследованию А.Д. Борцова, Г.Н. Никифорова и В.Ф. Фёдоровой, «в 109 партийных ячейках республики состояли на учете 2467 коммунистов» [1, с. 5]. С каждым годом число членов областной партийной организации увеличивалось. В 1922–1923 гг. наблюдалось сокращение количества членов партии в связи с проводимой коренизацией органов власти Чувашской автономии, в 1933–1937 гг. был также прекращён приём в партию из-за чисток и проверок документов, значительная часть коммунистов была исключена из неё [1, с. 10]. Вторым партийным органом действовала областная партийная конференция.

Формирование и состав кадров в сфере управления сельским хозяйством и промышленностью в 1920–1930 гг. в Чувашской автономии в историографии разработаны значительно меньше, нежели управленческие кадры государственных органов. К этому аспекту можно отнести диссертационное исследование Гончаровой С.В. «Формирование и деятельность органов управления промышленностью и сельским хозяйством Чувашии в 1920-е гг.», в котором она выявляет структуру хозяйственных ведомств, исследует социальный, партийный, национальный состав и образовательный уровень кадров органов управления промышленностью и сельским хозяйством в рассматриваемый период, а также анализирует специфику формирования и особенности функционирования регионального аппарата управления [3].

Управленческие кадры в судебной системе Чувашской автономии в эти десятилетия претерпевали подобные изменения. К этой теме в своем исследовании обращается В.М. Мельцов. Он отмечает, что в кадровом составе наблюдались те же проблемы, что в государственных и партийных институтах: нехватка квалифицированных кадров на первом этапе складывания и функционирования реорганизованной судебной системы, необходимость новых советских кадров юстиции, недостаточность средств, низкая зарплата при переработках – все это сказывалось как на состоянии кадрового аппарата, так и на всей системе в целом. Мельцов В.М. указывает половые, национальные и партийные характеристики управленческих кадров судебной системы Чувашской автономии. В частности, в 1927 г. была одна женщина-судья (в Козловском районе), еще три женщины из Чувашии были направлены на юридические курсы в Казань [9, с. 136–137]. Процессы коренизации в судебных органах заключались во внедрении в делопроизводство чувашского языка и привлечении к службе представителей чувашского этноса, которые к концу 1920-х гг. составляли большинство среди работников юстиции. На основе этого формировался новый советский кадровый аппарат «взамен профессиональных специалистов дореволюционной России» [9, с. 139].

В заключение следует сказать, что формирование управленческих кадров государственных и партийных органов власти Чувашской автономии в 1920–1930 гг. происходило поэтапно. Условно эти этапы можно выделить на основе проанализированных нами трудов. С 1920 г., с образованием Чувашской автономной области, в регион направлялись специалисты из Москвы, плохо знавшие специфику и традиции народа, из области начинают отправлять специалистов на подготовку в Москву, Санкт-Петербург и Казань. Примерно с 1925 г. до середины 1930-х гг. существовала некая «демократия» в назначении управленцев. Власти республики сначала направляли на обучение, а затем организовывали уже свои курсы подготовки, назначали управленческие кадры на своё усмотрение. Даже на местном уровне этот вопрос разрешался зачастую без рассмотрения высших органов власти. Однако в середине 1930-х гг., чтобы подчеркнуть авторитет партии и центральной власти, упорядочить иерархию, на управленческие должности назначаются лица с коммунистической партийной принадлежностью, с одобрения из центра. Отбор претендентов ужесточается. Проводятся чистки и репрессии в отношении неблагонадежных и нарушивших правила лиц, занимавших соответствующие должности. Последнее серьезно ослабило регион в плане управления, многие авторы оценивают отрицательно этот аспект.

Стоит заметить, что история формирования и составные характеристики кадрового обеспечения в управлении сельским хозяйством и судебными органами Чувашской автономии этого периода разработаны недостаточно. В то же время авторы выделяют общие тенденции формирования управленческих кадров во всех рассматриваемых нами структурах (отсутствие квалифицированных кадров, недостаточность выделяемых средств, подготовка и обучение служащих), анализируют шаги, предпринимавшиеся властью для их решения путем коренизации и обучения в учебных учреждениях других городов.

В качестве примера для исследования по данному вопросу может послужить диссертационное исследование Киросовой Н.В. «Управленческие кадры Коми автономии в 1920–1930-е гг.: формирование и состав», в котором рассматриваются направления и методы реализации кадровой политики в советском государстве и Коми автономии в исследуемый период; определяются основные задачи подбора и расстановки руководящих работников, в том числе «коренизация» аппарата; анализируются инструменты формирования кадрового

потенциала партийно-государственных структур в Коми автономии [6]. Автором особо подчеркивается руководящий состав партийных и советских органов управления, создается их социальный портрет по признакам национальной принадлежности, социальному положению, образовательному уровню. Это, можно сказать, первый опыт обращения к подобной проблематике исследований.

Литература

1. *Борцов А.Д., Никифоров Г.Н., Фёдорова В.Ф.* Чувашская областная организация КПСС за 60 лет (цифры и факты). – Чебоксары: Чуваш.кн. изд-во, 1982. – 80 с.
2. *Васильева О.Н., Михайлова Е.М.* Формирование и деятельность областных органов государственной власти Чувашской автономной области (1920 – 1925 гг.): историография проблемы // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 4. – С. 37–45.
3. *Гончарова С.В.* Формирование и деятельность органов управления промышленностью и сельским хозяйством Чувашии в 1920-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Чебоксары, 2012. – 22 с.
4. *Димитриев И.А.* Политика коренизации органов исполнительной власти Чувашской автономной области (1920 – 1925) // Национальная государственность чувашского народа: история и современность: сборник статей / отв. ред. В.Н. Клементьев. – Чебоксары: ЧГИГН, 2011. – С. 94–97.
5. *Изоркин А.В.* Национально-государственное строительство Чувашской АССР за 70 лет // Чувашской АССР – 70 лет: сборник статей / под ред. И.И. Бойко и В.А. Прохорова. – Чебоксары: НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР, 1990. – С. 13–34.
6. *Кирсова Н.В.* Управленческие кадры Коми автономии в 1920 – 1930-е гг.: формирование и состав: дис. ... канд. ист. наук. – Чебоксары, 2017. – 290 с.
7. *Клементьев В.Н.* Формирование и развитие советской государственности Чувашии (Ноябрь 1917 – 1993 гг.) // Исследования социально-политической истории Чувашии XX столетия: сборник статей. – Чебоксары: ЧГИГН, 2002. – С. 47–76.
8. *Матюшин П.Н.* Репрессии партийных и советских работников в 1930-е годы (по архивным материалам Чувашской АССР) // Актуальные проблемы истории России XX века: материалы Регион. науч.-практ. конф. 13 ноября 2008 года. – Чебоксары: изд-во Чуваш.ун-та, 2008. – С. 41–46.
9. *Мельцов В.М.* Основные тенденции развития судебной системы в первые годы развития Чувашской автономии // Национальная государственность чувашского народа: история и современность: сборник статей / отв. ред. В.Н. Клементьев. – Чебоксары: ЧГИГН, 2011. – С. 135–140.
10. *Минеева Е.К.* Наркомнац и становление Марийской, Мордовской, Чувашской автономных республик: исторический опыт и уроки. – Чебоксары: Изд-во Чуваш.ун-та, 2007. – 300 с.
11. *Минеева Е.К.* Становление Марийской, Мордовской и Чувашской АССР как национально-территориальных автономий (1920 – 1930-е гг.). – Чебоксары: Изд-во Чуваш.ун-та, 2009. – 594 с.
12. *Немцева Т.В.* Национальное движение чувашского народа: исторический опыт создания государственности (1917 – 1925 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Чебоксары, 2002. – 241 с.

13. Ретроспектива процессов модернизации государственного управления в Чувашии (60-е гг. XIX – 30-е гг. XX вв.) / под ред. Е.К. Минеевой. – М.: Этносфера, 2012. – 434 с.

14. *Сухова О.А., Филенкова О.А.* Национальный вопрос и районирование в РСФСР в 1920-е – начале 1930-х годов: управленческие стратегии и их реализация (по материалам Поволжья) // Новейшая история России. – 2017. – № 1 (18). – С.62–77.